

Оглавление

Введение.....	5
«Рождение мужчин»	5
Значимость философского контекста	6
Социальный контекст.....	9
Мужское и женское в античной философии	12
Натурфилософия	14
Античная классика	15
Мужественность и женственность в философии Платона.....	17
Мужское и женское в средневековой философии.....	30
Мужское и женское в новое время	44
Концепция Артура Шопенгауэра.....	45
Концепция «идеальных типов» в учении Отто Вейнингера	48
Концепция «женской культуры» в философии Георга Зиммеля	59
Назревающий кризис.....	69
Денатурализация половых различий в философии и социальной теории XX века.....	76
Философия экзистенциализма: от женской сущности к женской ситуации.....	78
Переосмысление телесности в философии XX века: политическая анатомия	92
Современная гендерная теория: концепция гегемонной маскулинности.....	111
Основные положения теории «гегемонной маскулинности» Рэйвин Коннелл.....	115

«Отцовская революция» — практика надежды.....	130
Заключение.....	136
Литература.....	139
Сведения об авторе.....	147

Введение

Данная монография посвящена исследованию формирования представлений о мужественности в западноевропейской интеллектуальной традиции. В контексте обращения к этой теме необходимо прояснить несколько значимых обстоятельств.

«Рождение мужчин»

Историю становления современной концепции мужественности (маскулинности) необходимо трактовать как в прямом смысле «рождение мужчины» в социально-философском и, более широко, социально-гуманитарном дискурсе.

Дело в том, что, называя некоего человека мужчиной, мы приписываем ему определённое своеобразие, которое не сводится к значимым биологическим характеристикам (морфологии, репродуктивной системе, гормональным и хромосомным различиям), но касается также и особенностей его социализации, с которыми тесно связаны специфика восприятия мира и специфика существования в социуме. Однако в традиционной культуре люди мужского пола такими особенностями как раз и не обладали, вернее не считались обладающими. Мужчины вплоть до XX столетия, принесшего коренные изменения в понимание природы пола, наделялись многими важными характеристиками и достоинствами, однако, не как специфический тип людей, а как люди в собственном смысле этого слова.

Это чрезвычайно значимое тождество «человека» и «мужчины» не может игнорировать ни один автор, так или иначе затрагивающий тему мужественности, а уж тем более автор, затеявший обстоятельное исследование на эту тему. Быть мужчиной в традиционной «системе координат», означает, быть человеком. Как отмечал знаменитый французский социолог и философ Пьер Бурдьё, «мужчина (*vir*) — это особое существо, которое живет как существо универсальное (*homo*) и фактически и юридически обладает монополией на понятие человека вообще, то есть на универсальность; он социально

уполномочен чувствовать себя носителем всех форм человеческого существования»¹. Универсализация мужского в традиционной культуре отразилась также и на особенностях словообразования. Так, во многих европейских языках слова, обозначающие мужчину и человека, тождественны (Man (англ.), Mann (нем.), homme (франц.)).

«Эпоха без мужчин», таким образом, представляет собой длительный исторический период, в котором половое своеобразие приписывалось только женщинам и представляло собой некое тревожащее мужчин/людей отклонение от нормы человека. Именно по этой причине «половой вопрос» в классической литературе и философии — это вопрос «женский». Если говорить точнее, то это вопрос о том, что же представляют собой эти своеобразные существа и, как следствие, какое положение в обществе они должны занимать, какими социальными полномочиями они могут и, соответственно, должны быть наделены.

Постепенно именно анализ «женского вопроса» (женской природы и социальной роли) привел к открытию и постановке вопроса «мужского».

Значимость философского контекста

Обращение в исследовании формирования представлений о мужественности именно к философской традиции связано с тем фактом, что мужское и женское являлись и являются значимыми категориями классического и неклассического философских дискурсов.

Человечество за всю обозримую историю своего существования накопило не так много средств для описания мира и своего положения в нём. Вопреки распространённому среди людей, чья деятельность напрямую не связана с исследованием и преподаванием философии, мнению о том, что представления о мире тотально разнообразны и «у каждого своя точка зрения», профессиональные философы знают, что эта установка не вполне соответствует действительности. Конечно,

---

¹ Бурдые Пьер. Мужское господство / Бурдые Пьер. Социальное пространство: поля и практики / перевод с французского; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–365. С. 293.

позиции выдающихся мыслителей существенно отличаются друг от друга, а история философии представляет собой увлекательный лабиринт из множества «философских миров», отображающих специфику мышления и интуитивного проникновения в тайны мироздания величайших и чрезвычайно интеллектуально одарённых представителей человечества. Однако философия также как и другие науки имеет дело с парадигмами, определяющими общие черты многих концепций в рамках того или иного направления. Более того, в философии XX века обозначилась масштабная тенденция критического дистанцирования по отношению ко всему предшествующему опыту западноевропейской мысли, разделяющая по существу историю философии на две грандиозные эпохи — метафизическую и постметафизическую.

В целом эту фундаментальную тенденцию дистанцирования принято обозначать в современной философии термином «постметафизическое мышление»². Основная черта данного типа мышления состоит в разработке различных стратегий преодоления традиционного философского стиля, базирующегося на эссенциализме и дуализме, оперирующего бинарными оппозициями. Как отмечает Евгений Борисов, «историческое самодистанцирование от классического наследия может рассматриваться как типологическая черта современной философии, позволяющая характеризовать её как постметафизическую»³.

Метафизика, таким образом, в XX столетии начинает восприниматься как некое метаповествование, объединяющее посредством общих установок разнообразные концепции классической эпохи. Базовым инструментарием для этого метаповествования выступают «бинарные коды»⁴. Они же формируют базовый методологический инструментарий для выстраивания метафизических систем. Посредством работы бинарных кодов дуалистическое представление об устройстве

---

² Борисов Е. В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Издательство Томского университета, 2009; Habermas J. Motive nachmetaphysischen Denkens / Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt/M., 1988. P. 35–62.

³ Борисов Е. В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск: Издательство Томского университета, 2009. С. 3.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 133.

мироздания экстраполируется на всё многообразие реальности, включая её природные и социальные элементы.

«Бинарные коды», бесконечно производящие и воспроизводящие «посредством двоичных, иерархизованных оппозиций»⁵ совершенно определенные тактики «проговаривания» действительности образуют собой универсальную метасистему метафизики. Основной канвой философской дискурсии в этой метасистеме становится последовательность дихотомий: трансцендентное и имманентное, субъективное и объективное, активное и пассивное, добро и зло, бытие и ничто, присутствие и отсутствие, истина и ложь, мышление и материя, душа и тело, рациональное и чувственное, мужское и женское и т. д. Причем термины, входящие в состав приведенных оппозиций соотносятся друг с другом иерархически. Как отмечает Евгений Найман, «вторые термины каждой пары рассматриваются как негативные и нежелательные версии первого термина, указывают на процесс отпадения от него... Второй термин находится под жестким аксиологическим и логическим контролем первого. В результате этого возникает насильственная иерархия»⁶.

Таким образом, можно утверждать, что концептуализация пола в классической философии выстраивалась посредством бинарных оппозиций, где мужское воспринималось как положительная норма по аналогии с разумным и активным, а женское — как досадное отклонение от этой нормы по аналогии с телесностью и пассивностью.

Постметафизическая же онтология принесла возможность преодоления влияния бинарной кодификации на осмысление пола и тем самым «освободила» и женское, и мужское от необходимости участия в «насильственной иерархии», открыла их для переопределения и поиска новых перспектив в осмыслении.

Мужественность, как и женственность, таким образом, является значимой философской категорией, тесно связанной

---

⁵ Сиксу Э. Выходы / Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ.; под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дируэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 47–57. С. 48.

⁶ Найман Е. А. Деконструктивная методология Ж. Деррида. Томск: Издательство Томского университета, 1996. С. 7–8.

с фундаментальными понятиями традиционной и современной философской онтологии и антропологии.

Социальный контекст

Актуальность обращения к исследованию темы мужественности в философском контексте связана со сложной ситуацией интерпретации и оценки тех фундаментальных философских, социальных и ментальных установок, которые сопутствовали преодолению традиционной бинарной интерпретации пола в середине XX столетия.

XX век ознаменован целым рядом значительных социальных трансформаций. Одной из самых существенных трансформаций, без всякого сомнения, является метаморфоза мужской и женской социальных ролей, плюрализация маскулинных и фемининных практик и эталонов поведения, глобальное изменение института семьи, «сексуальная революция», декриминализация и депатологизация гомосексуальности и транссексуальности.

Данные изменения вызывали и продолжают вызывать сложные дискуссии по поводу их «моральной оценки». И исследователи, и обыватели выражают тревогу по поводу возможного разрушающего влияния указанных изменений на «нравственные устои» общества, «традиционные семейные ценности», демографическую ситуацию и т. п.

Еще в середине XX столетия знаменитый американский социолог российского происхождения Питирим Сорокин, выражал в своих работах определенную тревогу относительно масштаба и последствий «сексуальной революции». Видя в ней возможную причину будущей социальной катастрофы, П. Сорокин предлагал инициировать всестороннее вмешательство в происходящие социальные процессы с целью их «десексуализации». Только такое стратегическое вмешательство, с его точки зрения, могло бы остановить разрушительное влияние «жучков-бурильщиков», разлагающих нравственные основы общества. «Основное изменение нашей культурной и социальной вселенной, — писал П. Сорокин в своей работе “Американская сексуальная революция”, — направленное на облагораживание сексуального порядка, заключается в существенной десексуализации наших изящных искусств, прессы,

радио, телевидения, развлечений и спорта, нашей науки и философии, социальных и гуманитарных дисциплин, нашей этики и законодательства, экономики, политики, всего нашего образа жизни»⁷.

Однако постепенно стало явным то обстоятельство, что происходящие изменения представляют собой не «сбой» хорошо отлаженной и стабильной общественной системы, но фундаментальные ее трансформации, связанные с глубинным преобразованием самих оснований культуры и общества. «Десексуализация» общества в этой перспективе — задача в своем основании настолько же нелепая как стремление «развидеть» те глубинные философские и острые социальные проблемы, которые лежат в основании «полового вопроса».

Этот настоящий «тектонический сдвиг» цивилизации нуждается не в осуждении или восхищении, но в серьезном и ответственном научном исследовании.

Изменения, которые связываются в социальном дискурсе XX–XXI вв. с метаморфозами пола, интимности и сексуальности, по словам известного английского социолога Энтони Гидденса, способны «оказать разрушительное воздействие на современные институты как целое», но они же несут современному обществу еще неизведанный и не раскрытый потенциал демократизации межличностных отношений⁸.

Наиболее уместным для описания происходящих трансформаций представляется термин Зигмунта Баумана — «плавка твердых тел». Система социальных институций, выстроенная в течение предшествующих тысячелетий, как и способы их толкования, как бы «расплавляются» под влиянием неизвестных ранее «импульсов освобождения». «Современная ситуация, — пишет З. Бауман в своей известной работе “Текучая современность”, — появилась из радикального таяния пут и кандалов, заслуженно или незаслуженно подозреваемых в ограничении индивидуальной свободы выбора и действий»⁹.

Иными словами, современная «плавка твердых тел» требует от научного сообщества трезвого и глубокого анализа сути происходящих перемен, их причин и последствий.

---

⁷ Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: «Проспект», 2006. С. 142.

⁸ Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. С. 30, 32.

⁹ Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 11.

Для настоящей работы особое значение имеет акцент на одном из существенных следствий социальных и социально-философских метаморфоз последних столетий, а именно: открытие мужественности и целый спектр социальных проблем, выявленных благодаря этому открытию.

Итак, наше исследовательское дело не «судить» и «рядить», но познавать. Как замечательно выразил это стремление знаменитый российский философ Николай Бердяев, «сознание нашей эпохи стоит под знаком разоблачения и познания тайны пола в человеке. Его нельзя больше скрывать. Ужасом пола и энергией половой полярности поражено все существо человека, его мышление и его чувства, его творчество и его нравственное сознание не меньше, чем жизнь его организма»¹⁰.

Исходя из выше обозначенных обстоятельств данного исследования, логика работы будет выстраиваться посредством постепенного движения от постановки полового (женского) вопроса в античной философской традиции к анализу фундаментальных трансформаций данной проблематики в философии и социальной теории XX столетия, приведшей к открытию мужественности и сопутствующих этой категории социальных проблем.

---

¹⁰ Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: «Современные записки», 1931. С. 71.

Мужское и женское в античной философии

Приступая к анализу категорий «мужское» и «женское» в античной философии необходимо отметить, что представление о природной неполноценности женского пола сложилось в древности задолго до формирования рационального мышления, выразившегося в создании великих философских систем античных классиков. Представление о превосходстве мужского начала над женским является неким культурным фоном, который философами античной эпохи был воспринят от предшествовавших поколений и рационализирован, то есть включен в рациональную систему мировосприятия.

До нас дошло несколько ярких отрывков из нефилософских произведений античности, которые повествуют об уже сложившейся традиции восприятия различий между полами.

Одним из самых ранних является повествование Гесиода о Пандоре, первой земной женщине, созданной богами на горе людям. Украшенная внешне всеми возможными прелестями, Пандора имела «двуличную, лживую душу» и явилась источником множества самых разных несчастий для людей (мужчин): «Женщина эта и беды лихие наслала на смертных»¹¹. В поэме «Теогония» Гесиод следующим образом характеризует значение уже совершенно обычных женщин в мужской судьбе:

Так же высокогремящим Кронидом, на горе мужчинам,
Посланы женщины в мир, причастницы дел нехороших.
Но и другую еще он беду сотворил вместо блага:
Кто-нибудь брака и женских вредительных дел избегает
И не желает жениться: приходит печальная старость
И остается старик без ухода! А если богат он,
То получает наследство какой-нибудь родственник дальний!
Если же в браке кому и счастливый достанется жребий,
Если жена попадется ему сообразно желаньям,
Все же немедленно зло начинает с добром состязаться
Без передышки. А если жену из породы зловредной
Он от судьбы получил, то в груди его душу и сердце
Тяжкая скорбь наполняет. И нет от беды избавленья!¹².

¹¹ Гесиод. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. С. 53–54.

¹² Там же. С. 38–39.

Как видим, женское начало ассоциируется в повествовании Гесиода со злом, причем с таким злом, которого мужчине очень сложно избежать, поскольку он вынужден обращаться к нему (общению с женщинами) для продолжения собственного рода, бытового обслуживания, сохранения накопленного богатства.

Знаменитый античный трагик Еврипид вкладывает в уста своего героя Ипполита следующие слова:

О Зевс, зачем ты создал женщину?
И это зло с его фальшивым блеском
Лучам небес позволил облить?
Иль для того, чтоб род людской продолжить,
Ты обойтись без женщины не мог?¹³

Естественным образом эти представления, запечатленные в классических произведениях античной литературы, отражали то положение женщины в обществе, которое было закреплено поколениями и считалось само собой разумеющимся. Как отмечал римский юрист Папиан, «по общему правилу нашего законодательства положение женщин хуже, нежели мужчин»¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что философы, начиная осмыслять реальность рационально, пытались объяснить уже существующие феномены, в том числе и социальную иерархию между мужчинами и женщинами, встраивая эти феномены в те теоретические конструкции, которые сами создавали. И, поскольку «презрительное отношение греков к женщине видно еще задолго до рождения философии»¹⁵, его отголоски не могли не быть явными в философских концепциях выдающихся мыслителей античности.

---

¹³ Еврипид. Трагедии. Т. 1. М.: Художественная литература, 1969. С. 250.

¹⁴ Гуревич Д., Рапсат-Шарлье М.-Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 61.

¹⁵ Кокин И. А. Положение женщин в греко-римском мире // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 210–219. С. 212.

Натурфилософия

Уже в период натурфилософских исканий «физиса» мира проявляется в античной философии стремление вписать существующее многообразие предметов и феноменов окружающей реальности в некую единую структуру, базирующуюся на дуалистическом принципе. Мыслители первой философской школы (физики или натурфилософы), осмысляя реальность, приходят к выводу о том, что мир может быть понят, исходя из целого ряда противопоставлений — хаос и космос, единое и многое, логос и материя, вражда и согласие и т. п. Постепенно одной из составляющих этой череды бинарных оппозиций становится оппозиция мужского и женского. В наиболее явной форме этот процесс проявляется в философии Пифагора.

Традиционно Пифагору приписывают в истории философии учение о происхождении всех вещей из чисел. Числа бывают двух типов — четные и нечетные. Отличаются эти типы друга от друга тем, что восходят к разным праэлементам: нечетные числа восходят к праэлементу определенному, а четные — к неопределенному. Причем нечетные числа превосходят по своей ценности числа четные, поскольку восходят к тому праэлементу, который обладает большей ценностью. Рациональным образом в философии Пифагора ценностное преимущество определенного праэлемента не проясняется. Можно высказать догадку о том, что, скорее всего, истоки этой иерархии имели мистическую природу в представлениях пифагорейцев. Так или иначе, эта первоначальная иерархия элементов, а также базирующаяся на ней иерархия чисел представляют собой основу для понимания мира и оценки существующих в нем феноменов, каждый из которых может быть описан как тяготеющий к той или иной стороне мироздания.

Для ориентирования в этой системе некоторые пифагорейцы предлагали использовать десять контрарностей, а именно: предел-беспредельное; нечетное-четное; единое-множественное; правое-левое; светлое-темное; покоящееся-движущееся; квадрат-прямоугольник; прямое-кривое; хорошее-плохое; мужское-женское¹⁶. Таким образом, во всяком

---

¹⁶ Реале Дж. Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. ТОО ТК «Прополис», 1994.

феномене природного мира проявляет свою силу и влияние числовое основание вселенной: «Числам принадлежит большая реальность, чем конкретным вещам, так как последние суть только проявление чисел, это — лишь внешняя сторона чисел, которая одна видна непосвященным, не постигающим внутренней сущности вещей. Числа суть одновременно и разумная, и мистическая, и материальная основа вещей»¹⁷.

Благодаря этой «основе», человек может ориентироваться и в природе, и в обществе, выделяя более ценные феномены и отстраняясь от тех, которые имеют ценность меньшую. Как видим, женское начало без колебаний относится пифагорейцами к «темной» и «кривой» стороне мироздания. При этом справедливости ради необходимо отметить, что, согласно источникам, женщины, хотя и рассматривались в пифагорейском союзе как существа менее совершенные, чем мужчины, играли на практике в нем не последнюю роль, и даже могли становиться во главе союза¹⁸. Так или иначе пифагорейское учение дает первый серьезный пример в истории философии последовательного вписывания различия полов в общую структуру мироздания посредством применения дуалистического принципа в качестве онтологического основания.

Античная классика

Постепенно в античной философии космология натурфилософов уступает место развитой метафизике и антропологии античных классиков. Учение о космосе и «архэ», лежащем в его основании, развивается до уровня сложных метафизических систем Платона и Аристотеля. Соответственно, акцент в описании мироздания и человека смещается в сторону использования таких бинарных оппозиций как идеальное и материальное, разумное и чувственное, духовное и телесное. Мужское и женское становятся значимыми категориями этого классического метафизического дискурса, подвергаясь в его контексте бинаризации, и непротиворечиво встраиваясь, таким образом, в общую дуалистическую канву метафизического повествования.

---

¹⁷ Досократики. Мн.: Харвест, 1999. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 140.

В результате этого процесса категория «мужское» оказывается в теснейшей связи с категориями активного, разумного и духовного, а категория «женское» — с категориями пассивного, телесного, чувственного и материального. Это распределение значений внутри метафизических систем античности закрепляет представление о том, что мужественность имеет прямое отношение к разумному началу, а женственность — к началу чувственному. Данная ситуация продуцирует далеко идущие последствия, а именно: формирование устойчивой связи между рационализмом как представлением о приоритете разумного начала над чувственным и сексизмом как представлением о приоритете мужского начала над женским. Как отмечает известный исследователь «полового вопроса» в историко-философской перспективе Сергей Жеребкин, эта связь становится основополагающей для всей западной метафизики. «Логика бинарных оппозиций, — пишет С. Жеребкин, — в которой мужское является субъектом, а женское — объектом, является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют фаллоцентризмом, подчеркивая тем самым, что по видимости бесполой приоритет разума-логоса в ней на самом деле неразрывно связан с приоритетом мужского начала и присущих ему атрибутов и характеристик»¹⁹. Быть человеком, в такой логике означает быть существом разумным, а, следовательно, быть мужчиной, поскольку женственность связана с проявлением чувственного начала, не относящегося к существенной основе человека.

И, хотя установление такой тесной связи между рационализмом и сексизмом в античной классике, а также продолжение и развитие этой тенденции в последующие периоды становления западной философии, позволяют, с точки зрения С. Жеребкина, охарактеризовать всю историю западной философии как «интеллектуальную историю мизогинии», на деле, то есть в контексте анализа конкретных интеллектуальных ходов в рамках конкретных философских систем, ситуация оказывается не настолько однозначной. Прежде всего, это

---

¹⁹ Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии / Введение в гендерные исследования. Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. Ч. I. С. 390–426. С. 391.

замечание относится к философским произведениям непревзойденного классика античной философии — Платона, в чьих работах рационалистические и сексистские положения сочетаются с по-настоящему прорывными идеями о социальных причинах неравенства между полами и требованиями допуска женщин к образованию наравне с мужчинами.

Мужественность и женственность в философии Платона

Приступая к анализу представлений знаменитого античного классика о природе и социальном значении мужского и женского начал, необходимо отметить, что данные представления реконструируются на основе работы с тремя диалогами философа — «Государство», «Пир» и «Законы». Именно в этих работах, с точки зрения автора данной монографии, излагаются ключевые идеи, позволяющие эксплицировать воззрения Платона по обозначенной теме исследования.

В первом из указанных источников Платон рассуждает об идеальном городе-государстве, одним из важных сословий в котором должны быть стражи. Задача стражей — стоять на защите города и способствовать осуществлению его стратегических интересов с помощью военного искусства. Это основная цель стражей в течение всей их жизни²⁰. Ей должны быть посвящены все их интересы. Соответствующим должно быть и воспитание стражей. «У стражей не должно быть, — продолжает Платон, — ни собственных домов, ни земли и вообще никакого имущества: они получают пропитание от остальных граждан как плату за свою сторожевую службу и сообщая все потребляют, коль уж они должны быть подлинными стражами»²¹.

Рассуждая об особых обязанностях этого сословия, Платон задается вопросом о том, должны ли стражи быть только мужского пола или можно привлекать к выполнению этого чрезвычайно значимого для государства призвания также и представительниц женского пола — могут ли женщины быть

---

²⁰ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во «Альфа-КНИГА», 2013. С. 784.

²¹ Там же. С. 852.

полноправными членами сословия стражей? Для ответа на этот вопрос необходимо прояснить женские способности в принципе: «способна ли женская часть человеческого рода принимать участие во всех делах наряду с мужчинами, или же она не может участвовать ни в одном из этих дел; а может быть, к чему-то она способна, а к другому — нет. То же и насчет военного дела — способны ли они к нему?»²².

О женских способностях сложно судить, если обращаться при этом к анализу только тех проявлений женской природы, которые уже встречаются в опыте, поскольку данные проявления сложились «согласно обычаю» и могут отражать не столько женскую природу как таковую, сколько принятые в обществе представления о женщинах, в соответствии с которыми те и воспитываются. Эти представления общеизвестны и связывают женщин, прежде всего, с поддержанием домашнего очага, ведением домашнего хозяйства, заботой о детях и муже. В соответствии с этими представлениями женщины и воспитываются и, соответственно, проявляют себя в обществе. «Не стоит нам здесь распространяться о том, — пишет Платон, — что женщины ткут, пекут жертвенные лепешки, варят похлебку. Действительно, в этом-то женский пол кое-что смылит — вот почему все осмеивают женщину, если она не справляется даже с этим»²³.

Однако эти общепринятые правила женского поведения не говорят о том, на что в действительности способны или не способны представительницы женской половины человечества. Чтобы приблизиться к адекватному пониманию их природы необходимо найти такой пример женского поведения, который был бы не связан с принятыми в обществе нормами и правилами, не был бы причастен к распространенным приемам воспитания и образования женщин.

Такой пример Платон находит среди животных, обращаясь к анализу различий в поведении собак. Сторожевые собаки независимо от пола могут выполнять свои обязанности одинаково хорошо. Репродуктивные особенности самок, конечно, предполагают определенные затраты сил и времени, связанные с вынашиванием и кормлением потомства, но это

---

²² Платон. Диалоги. Харьков: Фолио, 1999. С. 184–185.

²³ Там же. С. 188.

не становится причиной сведения всей роли самки исключительно к заботе о подрастающем поколении.

Данный пример, с точки зрения Платона, убедительно демонстрирует, что существующие в человеческом сообществе ограничения связаны не с женской природой как таковой, а с устоявшимися обычаями, привычками и предрассудками относительно женского пола. Последовательный анализ, таким образом, приводит мыслителя к выводу о том, что не существует никаких непреодолимых природных причин, обуславливающих ограничение социальной роли женщин только сферой домоводства. Единственное отличие касается репродуктивной сферы: «существо женского пола рожает, а существо мужского пола оплодотворяет»²⁴. А, следовательно, женщины могут выполнять все обязанности наравне с мужчинами и этому должна способствовать система женского воспитания и образования. «Значит, — продолжает Платон, — раз мы будем ставить женщин на то же дело, что и мужчин, надо и обучать их тому же самому. А ведь мужчинам мы предназначили заниматься мусическим и гимнастическим искусствами. Значит, и женщинам надо вменить в обязанность заниматься обоими этими искусствами, да еще и военным делом; соответственным должно быть и использование женщин»²⁵.

Конечно, преобразования потребуют определенной ломки традиций и обычаев, но эти нововведения, считает Платон, необходимы и целесообразны. Сословие стражей, а, следовательно, и само государство, защищать которое оно призвано, станет только сильнее, если женское образование сформирует новый тип женщин. Для этого и понадобятся в идеальном государстве «гимнасии для женщин, мусическое искусство и (не в последнюю очередь) умение владеть оружием и верховая езда»²⁶.

Однако данный проект будет выглядеть совершенно нереалистично, если трансформации в сфере образования и воспитания женщин не будут сочетаться с еще более серьезными трансформациями, касающимися представлений о семье. Если традиционный семейный уклад останется неизменным, каким образом женщина, получившая образование, сможет

---

²⁴ Платон. Диалоги. Харьков: Фолио, 1999. С. 187.

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ Там же. С. 184.

применить свои новые умения? Выйдя замуж и обзаведясь потомством, она будет вынуждена оставить свои новые занятия и обратиться к поддержанию семейного очага. Именно по этой причине традиционная семья в сословии стражей должна прекратить свое существование: «в образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети — тоже, да и все их воспитание будет общим»²⁷.

До тех пор, пока существует традиционная семья, женщина связана узами брака со своим мужем, вследствие чего общество предписывает ей ухаживать за мужем и рожденными от него детьми. Конечно, допустить, чтобы целая половина рода человеческого растрчивала свои жизненные ресурсы на уход за членами собственной семьи вместо того, чтобы служить целям государства, с точки зрения Платона, нельзя. Соответственно ни одна женщина, принадлежащая сословию стражей, не должна иметь собственного мужа и детей. А, поскольку интимных отношений между мужчинами и женщинами избежать не представляется возможным, дети, рождающиеся от таковых связей, должны воспитываться вне семьи и не должны иметь представления о том, кто именно является их биологической матерью или биологическим отцом.

Дети в идеальном государстве, таким образом, будут воспитываться сообща. При этом правители должны особенно тщательно следить за тем, чтобы интимное общение между мужчинами и женщинами подчинялось разумным требованиям. Лучшие должны соединяться с лучшими, чтобы производить лучшее потомство, ну а худшие должны сочетаться с худшими. Воспитание тех детей, которые получают от соединения лучших, должно быть тщательно продумано. В самом раннем возрасте их уже нужно приобщать к военному искусству, объясняя важность их будущего государственного служения: «с самых ранних лет нужно сажать детей на коня, а когда они научатся ездить верхом, брать их с собой для наблюдения войны. Таким образом дети всего лучше присмотрятся к своему делу, а если понадобится, наверняка спасутся, следуя за старшими наставниками»²⁸.

---

²⁷ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во «Альфа-КНИГА», 2013. С. 909.

²⁸ Там же. С. 855.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru